ՀՐԱՊԱՐԱԿՈՒՄՆԵՐ

ՆԻԿՈՂԱՅՈՍ ԱԴՈՆՑԻ «ԿԻԲԵԼԱ ԱՍՏՎԱԾՈՒՀԻՆ» ԱՆՀԱՅՏ ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆԸ

Հայ ականավոր պատմաբան Նիկողայոս Ադոնցի (1871-1942) գիտական ժառանգության մեջ զգալի ներկայություն ունեն այն ուսումնասիրությունները, որ նվիրված են հին հայկական դիցարանին եւ հոգեւոր-մշակութային միջավայրին: Դեռեւս 1911 թ. նա լույս է ընծայել «Տորք աստված հին Հայոց» հետաքրքրական հոդվածը[1], որի հիմնական դրույթներն արծարծվել են նաեւ 1926 թ. Փարիզի «Ասիական ընկերության» 12-րդ նիստին կարդացած իր զեկուցման մեջ[2]: Բացի Տորքից, Ն. Ադոնցին հատկապես զբաղեցրել են նաեւ Արա Գեղեցիկի, Շամիրամի, Անահիտի եւ մասնավորապես Կիբելե (Կիբելա) աստվածությունների հայկական անդրադարձումները:

Հատկանշական է, որ Ն. Ադոնցն առաջինը, եւ որքան մեզ հայտնի է, միակն է, որ հատուկ քննության առարկա է դարձրել Կիբելե աստվածուհու հին հայկական արձագանքը: Ամենայն մանրամասնությամբ ուսումնասիրելով Կիբելեի վերաբերյալ ստեղծած գրականությունը եւ առանձնակի ուշադրություն դարձնելով հին արեւելյան եւ հատկապես հին հայկական բանահյուսական երկերի տվյալներին՝ պատմաբանը եկել է հետեւյալ ուշագրավ եզրակացության: Մեծ Մոր (Մեծ Աստվածուհու) պաշտամունքը, որ տարածված էր ամենուրեք՝ Միջագետքից Հունաստան, անհայտ չէր կարող լինել նաեւ քաղաքակրթությունների քառուղիում գտնվող Հայաստանում: Մեծ Մոր կերպարը,

---

[1] Տե՛ս «Յուշարձան» ժողովածու, Վիեննա, 1911, էջ 389-394, տե՛ս նաեւ **Ն. Ադոնց**, Երկեր հինգ հատորով, հ Ա, Երեւան, 2006, էջ 79-85.

[2] **N. Adontz**, Tarkou chez les anciens Arméniens, տե՛ս “Revue des Études Arméniennes”, t. VII, fasc. 1, Paris, 1927, pp. 185-194, տե՛ս նաեւ **Ն. Ադոնց**, նշվ. հատորը, էջ 86-96:

ըստ Ադոնցի, սերտ աղերսներ ունի Կիբելե աստվածուհու հետ՝ աստվածուհի, որն ունեցել է ոչ միայն տարածաշրջանային, այլեւ համընդհանուր՝ միջազգային ճանաչում եւ պաշտամունք, անշուշտ, այլ անունների ներքո: Կիբելե աստվածուհուն նվիրված Ադոնցի նորահայտ ուսումնասիրությունն իր հետ բերում է բազմաթիվ նորություններ եւ արծարծում բազմաթիվ նոր խնդիրներ: Գրված լինելով շուրջ 90 տարի առաջ՝ մեր խորին համոզմամբ, այն չի կորցրել իր թարմությունն ու գիտական նշանակությունը: Ինչպես ադոնցյան յուրաքանչյուր մասունք, այն եւս ունի գիտական անսքող հետաքրքրություն: Կարծում ենք, որ «Կիբելե աստվածուհին» կարեւոր ներդրում է հին հայոց աշխարհայացքն ուսումնասիրելու տեսանկյունից, որում ներհուն հետազոտողը կհամոզվի այն ընթերցելուց անմիջապես հետո:

Սույն թեման հուզել է Ն. Ադոնցին նաեւ հետագայում եւ ստիպել դարձյալ դառնալ դրան: 1926 թ. նա Բոստոնի «Հայրենիք» ամսագրում մաս առ մաս լույս է ընծայում «Հին հայոց աշխարհայացքը» ծրագրային ուսումնասիրությունը[3], իսկ ճիշտ 10 տարի անց՝ 1936 թ., հրատարակել «Մի հին պաշտամունքի հետքեր Հայաստանում» ֆրանսերեն հոդվածը[4]: Թեեւ երկու հոդվածն էլ սերտ աղերս ունեն «Կիբելա աստվածուհի» ուսումնասիրության հետ, սակայն վերաբերում են միայն առանձին, մասնավոր հարցերի, թերեւս այն հիմամբ, որ խնդրի ամբողջական ուսումնասիրությունն արդեն նախապես ավարտված էր: Միայն դժվարանում ենք պատասխանել այն հարցին, թե ինչն է խանգարել տպագրության պատրաստ հոդվածը դնել գիտական շրջանառության մեջ:

Հրատարակվող ուսումնասիրության ռուսերեն բնագիրը պահվում է Համազգային հայ կրթական եւ մշակութային միության Բեյրութի գրական պահոցում, որտեղ եւ 1992 թ. հայտնաբերվել է մեր կողմից: Չափազանց արժեքավոր արխիվային այս հաստատությունում են գտնվում նաեւ հայ մշակույթի բազմաթիվ մեծերի, այդ թվում նաեւ Լեւոն Շանթի, Նիկոլ Աղբալյանի, Գասպար Իփեկյանի, Գառնիկ Գուզալյանի, Մուշեղ Իշխանի, Սիմոն Վրացյանի եւ այոց թողոնները: Ն. Ադոնցի թողոնի նյութերը հիմնականում վերաբերում են պատ-

---

[3] Տե՛ս **Ն. Ադոնց**, Հին հայոց աշխարհայացքը. – «Հայրենիք», Բոստոն, 1926, 4-րդ տարի, № 12, էջ 37-45. 1926, 5-րդ տարի, № 1, էջ 78-88, № 2, էջ 70-82. 1927, 6-րդ տարի, № 3, էջ 109-121, տե՛ս նաեւ **Ն. Ադոնց**, նշվ. հատորը, էջ 13-78:

[4] **N. Adontz**, Les vestiges d’un ancient culte en Arménie, տե՛ս “Annuaire de l’Institut de philologie et d’histoire Orientales et Slaves”, t. IV, Bruxelles, 1936, p. 501-515, տե՛ս նաեւ **N. Adontz**, Histoire d’Arménie, Paris, 1946, p. 381-394, **Ն. Ադոնց**, Հայաստանի պատմություն, Երեւան, 1979, էջ 370-382:

մաքանի արտասահմանյան տարագրության ժամանակներին (1920-1941)[5]*։ Այստեղ առկա են հայագիտությանը ցարդ անհայտ բազմաթիվ ավարտուն եւ անավարտ ուսումնասիրություններ (հիմնականում ֆրանսերեն եւ ռուսերեն ձեռագրեր), այդ թվում եւ մեզ հետաքրրող բնագիրը*[6]*։*

«Կիբելա աստվածուհի» ուսումնասիրության ռուսերեն բնագիրը գրված է 43 թերթերի վրա։ Թերթերի մեծությունն է 16×23 սմ։ Առաջին էջը համարակալված է որպես 4-րդ։ Վերջում, որ շատ կարեւոր է ու եզակի ադոնցյան ձեռագրերում՝ հոդվածն ունի ցուցում ավարտման վերաբերյալ՝ «1922, սեպտեմբեր»։ Ուրեմն, այն գրվել է Փարիզում։ Ուսումնասիրության գիտական ապարատը հիմնականում տրված է էջերի հակառակ երեսին կամ հավելյալ 8 թերթերի վրա։ Մեջբերումների աղբյուրները տրված են հակիրճ՝ հապավումներով, հիմնականում հեղինակների անուններով կամ սկզբնատառերով։

Բնագիրը հրատարակության է պատրաստել Օլգա Վարդազարյանը։ Նրան են պատկանում բնագրային սրբագրումներն ու ուղղումները, հեղինակների անունների եւ երկասիրությունների վերնագրերի հապավված ձեւերի վերականգնումը, ինչպես եւ որոշ ծանոթագրություններ։

Պետրոս Հովհաննիսյան

****

Исследование Н. Адонца, обнаруженное П. Оганесяном в 1992 году в Бейруте, в литературном архиве Общенационального армянского культурно-просветительного общества и переданное нам для подготовки к публикации, сохранилось в рукописи, которую автор, судя по оформлению, уже начинал готовить в печать. Текст, хотя и с помарками, представляет связное и законченное изложение, основные ссылки, не всегда еще уточненные, вынесены на отдельные листы. Первый такой лист переложен в начало: на его обороте и находится сделанная рукой Н. Адонца, но гораздо более бледная[7], чем основной текст, надпись: “Богиня Кибела”. Точно таким же образом сделана помета о дате окончания работы на последнем листе: “1922, сентябрь”. Нумерация листов начинается с

---

5 Ն. Ադոնցի բեյրության արխիվի ընդհանուր նկարագրի մասին տե՛ս մեր եւ Ե. ՓամպուՃյանի հաղորդումը՝ «Ականավոր հայագետ Նիկողայոս Ադոնցի անձնական արխիվը». – «Ազդակ» օրաթերթ, Բեյրութ, 1993, 9 մարտի, էջ 4, 7: Համտ. «Նպատակ» պարբերաթերթ, Երեւան, 1993, № 8, էջ 3 եւ այլն:

6 Տե՛ս Համազգայինի Բեյրութի գրական պահոց, պրոֆ. Ն. Ադոնցի ֆոնդ, պահարան I, գզրոց Թ/Ա-8:

7 Возможно, карандаш: в нашем распоряжении была только ксерокопия рукописи.

цифры 4; между тем, статья имеет разработанную экспозицию, не позволяющую воспринимать ее как обрывок какой-то более обширной работы. Скорее можно думать, что автор выбраковал несколько листов вступления, прежде чем остановился на дошедшем до нас варианте.

Содержание статьи показывает, что ее название условно: посвятив несколько страниц "Матери богов" и этимологии одного из ее имен, автор гораздо большее внимания уделяет ее спутнику Аттису. В сочетании с тем, как сделана запись названия и даты, это может означать, что речь идет о рабочем заголовке, который впоследствии должен был быть изменен или даже о тематической пометке, сделанной автором перед тем, как он отказался от публикации почти готового материала и отложил работу в архив. Судьба рукописи свидетельствует о том, что второе предположение ближе к истине: Н.Адонц, публиковавший впоследствии обширные исследования по той же теме, ни разу даже косвенно не упоминает о существовании "Богини Кибелы". Что же могло послужить причиной для такого решения?

Ответ на этот вопрос содержится в самой статье. Написанная с позиции яфетидологии, учения, которое примерно с 10-х годов XX века разрабатывал учитель Н. Адонца, Н. Я. Марр, она не могла быть опубликована, не вызвав шквала критических отзывов как со стороны сторонников, так и со стороны противников этой теории. Первых вряд ли устроила бы та деликатность, с которой Н. Адонц трактовал проблему взаимоотношений индоевропейских, кавказских и азианических языков. Вторым, несомненно, претила бы сама мысль о том, что для объяснения явлений такого масштаба, как культ Кибелы и Аттиса, оправдано привлечение данных "периферийных" – кавказских культур.

Сработали, вероятно, и факторы сугубо идеологические: в 20-е годы Н.Марр начинает активно сотрудничать с советской властью и все чаще обращается к ее помощи для пропаганды собственного, все более уходящего от реальности "нового учения о языке". Яфетидология в этой ситуации стала ассоциироваться с марксизмом "советского" образца; для Н. Адонца, обосновавшегося на Западе, навлекать на себя подозрения, тем более необоснованные, в симпатиях к подобного рода построениям было бы крайне нежелательно.

Как бы то ни было, “Богиня Кибела”, содержащая ценнейший исторический и лингвистический материал и интереснейшие гипотезы, на долгие годы оказалась укрытой от внимания научной общественности. Публикация подобного текста, осуществленная чуть ли не против воли автора, накладывает на публикаторов немалую ответственность. Часть этой ответственности, а именно оценку публикуемого исследования с точки зрения современного состояния науки мы с себя снимаем: это дело специалистов, притом специалистов в нескольких областях гуманитарного знания. Поступить таким образом нам позволяет, кроме осознания ограниченности собственных знаний, еще и убеждение в том, что любое возвращение в прошлое науки может, иногда совершенно неожиданно, оказать стимулирующее воздействие на ее настоящее. Мы ограничились разрешением технических задач. Во-первых, как и всякая рукопись, “Кибела” не свободна от неточностей и неудачных оборотов, которые несомненно были бы убраны ре-дактором, если бы статья поступила в обычное издательское производство. Затем, ссылки на работы европейских ученых даны в минималистской манере, характерной для научной литературы XIX – начала XX веков: она вполне устраивала узкий круг специалистов своего времени, но вряд ли подходит гораздо более многочисленному, но и гораздо менее посвященному в существо дела современному читателю. Наконец, ссылки на классические источники, по всей видимости, не всегда приводились непосредственно по их текстам, но по косвенным свидетельствам (работам других ученых, словарям и пр.), и потому иногда, как показывает проверка, ошибочны. Таким образом, дипломатическое издание рукописи могло бы привести ко множеству недоразумений и существенно снизить научную ценность текста. Чтобы избежать этого, но и, с другой стороны, по возможности сохранить ткань адонцевского изложения, мы руководствовались следующими принципами: а) текст публикуется в современной орфографии; описки, неверные согласования, орфографические ошибки исправляются прямо в тексте без оговорок, б) сокращенные написания и пропущенные, но необходимые во фразе слова восполняются также без оговорок, в) замена неудачных оборотов (как правило, арменизмов) на более приемлемые с точки зрения стилистики русского языка производится в тексте в фигур-

ных скобках; в подстрочных примечаниях дается авторский вариант. Библиографические ссылки, насколько это позволяли имевшиеся в нашем расспоряжении источники, приведены к стандартному виду, ссылки на произведения классических авторов проверены и там, где было необходимо, выправлены без специальных оговорок. Цитаты, приведенные на европейских и классических языках, переведены на русский и помещены в квадратных скобках; слова в угловых скобках восполнены переводчиком по смыслу. В квадратных же скобках в примечаниях помещены несколько необходимых, на наш взгляд, комментариев к публикуемой работе.

Ольга Вардазарян

Богиня Кибела

Богиня Кибела и ее любимец Аттис – божества мирового поклонения. Их признавали и отдавали им должную дань все страны крупнейших цивилизаций. Изображения их красуются на хаттских памятниках второго тысячелетия до Р.Х. На Крите, в центре эгейской культуры, наиболее древний тип идола представляет женщину. В Греции старинное божество приняло название Реи, или слилось с ней[1]. В **205** году до Р.Х. и всесильный Рим вынужден был признать Кибелу и посадить ее на Палатинскй холм. Появлением ее в столице мирового государства была подготовлена почва для грядущего религиозного мировоззрения. Известно, что ни один из языческих небожителей не имел такого влияния на образование христианского культа, как фригийская богиня. Кибела и ее сын Аттис являлись действительными предтечами Богоматери и ее сына Иисуса Назарянина.

В поисках происхождения этого мирового культа современные ученые обращались к мировым цивилизациям. Им не могло притти в голову, что кавказские народности, {отринутые[2]} ныне от арены великих подвигов, в состоянии были хотя бы в отдаленном прошлом создать ценности крупной величины. Однако их поиски не привели ни к чему. Мысль о семитическом происхождении фригийского культа ныне отброшена. Один из ученых, известный своими трудами по сравнительной мифологии, в результате своих изысканий заявляет, что принцип верховенства женского начала не свойственен ни семитам, ни даже арийцам[3]. Что касается Аттиса, то само название указывает на его самобытный характер; и во всяком случае, речи не может быть о заимствовании его из Месопотамии[4].

Другой английский ученый выдвинул социологический аргумент в пользу происхождения матери-богини из Малой Азии. Религия в известной мере есть отражение социального строя данной сре-

---

[1] **W. H. Roscher**, Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, Hildesheim, 1884-1937, Bd. II, S. 1569.

[2] {откинутые}

[3] **L. R. Farnell**, Greece and Babylon: A Comparative Scetch of Mesopotamian, Anatolian and Hellenic Religions, Edinburg, 1911, p. 98.

[4] Ibid., p. 255.

ды. Верховное существо женского начала могло возникнуть в такой среде, где социальная жизнь покоилась на основе матриархата[5]. Такая система, как известно, существовала в Малой Азии в период до появления индоевропейцев и следы ее сохранились, например, у ликийцев еще при Геродоте[6].

Все это ведет к тому, чтобы признать родиной Кибелы и Аттиса Малую Азию. Но Малая Азия – понятие этнически весьма сложное. К какой же этнической группе принадлежат искомые божества? Обыкновенно думают о хаттах. Но этим ничего не выясняется. Хатты – понятие также суммарное, скорее название государственной организации с разнообразной этникой. В Богаз-кейских архивах речь идет о четырех, а то и о восьми разных языках, как думают новые исследователи[7]. Подлинно хаттский язык остается все еще неразгаданным. Его относят к группе аборигенных языков, вместе с ликийским, этрусским и пр. Среди общей этнической массы неведомого происхождения выделяется, однако, одна группа с более определенной физиономией. Это те племена, которые появляются на арене всемирной истории после разложения хаттской государственности, именно: Alzi, Purukkuzi, Muski, Musri, Tubal, Kurhi, Kaski, Kummuhi, Kummani, Subari, или Subarti и некоторые прочие. Яфетидология претендует во всяком случае на эту группу народностей. Некоторые из них по сие время имеют своих представителей на Кавказе, другие оставили следы в его географической номенклатуре. Muski – известное у классиков племя Μόσχοι на границе Армении и Грузии (грузинское “месхи”, вероятно и Мцхети<Mos-he-θi); Musri – армянская область Мцур-к’ на Евфрате (ныне Музур-даг), Tubali – Τιβαρένη, Kummuhi, оставившие память в названии Коммагены – несомненные предки нынешних дагестанских куммухов. Kummani имеют отношение к Кубани, как и Subari – к армянской области Спер, или Σασπέροι классиков. К другим названиям вернемся ниже.

Эти племена мы встречаем в XII столетии до Р.Х. на южных

---

[5] **W. M. Ramsay**, The Cities and Bishoprics of Phrygia, vol. I, Oxford, 1895, p. 7; также **A. J. Evans**, Journal of Hellenic Studies, 1901, p. 168.
[6] Historiae. I, 173.
[7] **F. Hrozny**, Über die Völker und Sprachen des Alten-Chatti-Landes, Leipzig, 1920; также **D. E. Forrer**, Die acht Sprachen der Boghaz-koï-Inshriften (Sitzber.d. Preuss. Ak. D. Wiss. Phil.-Hist. Klasse, 1919, LXIII); C.I.S. Mastrander, Caractère indoeuropéen de la langue hittite, Christiana, 1919.

границах Армении в непосредственном соседстве с Ассирийским государством. Надписи Тиглатпаласара I гласят о том, что муски заняли область племен алзи и пуруккузи и спустя 50 лет втоглись в страну куммухов, т.е. Коммагену. Ассирийский царь дал им отпор, но вскоре сами куммухи восстали против него, и к ним на помощь пришли соседние курхи.

Откуда и каким путем они очутились на ассирийской границе?

Естественнее всего было бы думать, что они были первоначально в Кавказских горах и с ослаблением и разложением хаттской государственной организации почувствовали себя привольнее, бросились на новые страны и утвердились там. Но возможно теоретически и обратное положение; возможно, что названные племена шли с запада на восток и бассейн Верхнего Евфрата послужил им промежуточной стоянкой, откуда они были затем оттеснены к Кавказским горам. Есть основания полагать, что по крайней мере некоторые из них имели представителей на западной части полуострова. Известный ассириолог F.Hommel на XIII конгрессе ориенталистов сделал интересное собщение о народе пурукиззи. Он сопоставлял их с "берекинтами" классических авторов. По данным древних, Berecynti – фригийское племя. Страбон (X, 3.12) со слов[8] Скепсия сообщает, что оно жило в окрестностях горы Иды в соседстве с троянцами и известны были тем, что практиковали оргиастический культ Реи, т.е. Кибелы. Фригийская богиня поэтому часто называется, в особенности у латинских поэтов, Berecynt(h)ia. Напев фригийский у Софокла называется βερεκύντα βρόμον[9]. По этимологии древних, принятой и ныне, само название Berecynt(h)i происходит от Brigi, что считается фракийской формой Phryges[10].

У Гезихия Βρέκυν· τὸν Βρέκυντα, τὸν Βρίγα. Βρίγες γὰρ οἱ

[8] Далее <Ксанфа Лидийца> - зачеркнуто (ред.).
[9] [Hesychii Lexicon, beta 523 = Sophocles, fr. 470.]
[10] [Далее на отдельном листе без отсылки к основному тексту]:
Herodotus.
Страбон VII 3, 2. "фригийцы никто иные как бриги фракийского происх[ождения], равно мигдоны, бебрики, медовифины, вифины, фины, и мариандины".
Strabo. XIV 5, 29
XII 8, 21

Φρύγες[11] (см. также Herodotus, VII, 73). Если признать это сопоставление верным, то в последней частичке –thi можно усмотреть яфетический известный суффикс -θi, -eθi; тогда berecynthi значило бы "человек из страны фригов, или фригиец" Это отнюдь не предрешает {ответа на вопрос[12]} об их родстве с фригийцами. Подобно тому как "россиянин" не значит "русский", так и "фригиец" не значит "фриг" в этническом смысле слова. Во Фригии могли быть и были другие, инокровные племена.

Берекинты с западного побережья Малой Азии в XII с. до Р.Х. перекинулись на южную границу Армении по соседству с Ассирией, где они вместе [с] алзи пришли в столкновение с мусками. Ассирийцы называют их Purukkuzi<*Purukkun-zi; где –zi есть эквивалент суффикса –θi и может быть сопоставлен с однозначущим суффиксом –zi в ликийском, как Atenäzi, Sppartäzi[13].

Переселение берекинтов на далекий восток находится в связи с большими народными передвижениями, вызванными первым появлением фрако-фригийских племен в Малой Азии накануне падения хаттской государственности. Вторжение арио-европейских воинственных племен и послужило, вероятно, главной причиной разложения хаттского единодержавия. Одним из последствий его было то, что под натиском пришлых завоевателей некоторые племена из аборигенной этники подались на восток. В числе их – поименованные выше и занимающие нас народности. Из этих племен нибопее могущественны были мосхи, которые и сыграли важную роль в политической жизни новой родины. При Тиглатпаласаре они состояли под властью пяти царей и считались угрозой даже для ассирийской монархии. Может быть потому английский историк отождествляет мосхов с хаттами и считает muski принятым в Месопотамии названием Малой Азии[14].

При Саргоне (722-705) во главе мусков стоял царь Мита и вел борьбу против Ассирии. Винклер правильно узнал в нем Мидаса,

[11] ["Брекина: брекинта, брига. Бриги же – это фриги". Hesychii Lexicon, beta 1087,1.]
[12] {вопроса}
[13] **P. Kretschmer,** Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Leipzig, 1896, p. 311 и 329.
[14] **H. R. Hall**, The Ancient History of the Near East. From the Earliest Times to the Battle of Salamis, London, 1913, p. 327.

царя фригийцев[15]. На этом основании английский ученый Гарстанг[16] полагает, что муски – народ арио-европейского происхождения, родственный фригийцам и представляющий собой передовой отряд нахлынувших позднее в Малую Азию фрако-фригийских племен. Против этого мнения, однако, восстает само название мусков, с характерным яфетическим суффиксом –hi или –ki после звука –s: Muski=Μόσχοι. Если под командованием Миды стояли пришлые фригийцы арийского происхождения, то ассирийцы могли бы их продолжать называть по-прежнему мусками. При этом не исключается возможность, что завоеватель Фригии имел в своих войсках, кроме фригийцев, и покоренных или вытесненных с родных мест мусков. Мнение английского ученого важно в том отношении, что им признается передвижение мусков с фригийского плоскогорья к границам Ассирии. Очевидно, их гнала та же судьба, что и берекинтов. Эту судьбу разделила с ними, по-видимому, и третья народность, именно курхи. Так называлось союзное и соседнее куммухам племя, как упомянуто выше. В конце названия Kur-hi стоит в клинописи тот же знак, что [и] в Kummu-hi, что яфетическая лингвистика признает за признак множественного числа. Первоначальнное значение суффикса – “сын”, как видно из халдских надписей. Некоторые предпочитают чтение Kurti, очевидно, соблазненные сходством с названием курдов. Но правильнее чтение Kur-hi, которое представляет, как мне сдается, имя хорошо известного в древности народа колхов. Что наряду с Kol-hi существовала форма Kor-hi, т.е. вместо –*l* звук –*r* – это установлено в работах Марра со ссылкой на название реки Чорох, арм. Ճորոխ. Как muski или mos-hi дает библейское Moso-hi, так и Kur-hi дает Koro-hi или с обычным перебоем начального звука в аффрикат A – AoroB = Чорох. Знакомые с яфетическим языкознанием знают, что полногласные формы являются особенностью чано-лазской вокализации. Понятно, почему река, преимущественно лазская, сохранила в своем названии полногласную фор-

15 **L. H. Winckler**, Altorientalische Forschungen, Bd. II, Leipzig, 1896, p. 71.

16 [Имеется в виду Джон Гарстанг (1876-1956), английский археолог, внесший весомый вклад в изучение древней истории Малой Азии и Палестины. Н.Адонцу, вероятно, была известна его монография “Страна хеттов” (The Land of Hittites), 1910].

му Чорох.

В той же клинописи Тиглатпаласара I царь курхов носит {имя[17]} “Kili - 𒀭𒅎, сын Kali+тот же знак”. В соседнем городе Ur-ra-hi-na-as царь зовется Sadi+опять тот же знак. Повторяемый в трех именах знак читается фонетически an-te-ru. Английский кунеолог дешифрует соответственно Kili-anteru, Kali-anteru, Sadi-anteru. Но этот же знак является идеограммой бога Hadad или Rammon. Немецкие ученые предпочитают идеограммное чтение, причем полагают, что вместо семитического бога надо брать малоазийского местного Tišup, вследствии чего читают: Kili-tišup, Kali-tišup, Sadi- tišup[18].

Мы находим, как увидим ниже, что семитическим богам Ададу или Раммону соответствует бог Аттис, популярнейшее божество, принятое среди народностей, о которых идет речь. Поэтому правильнее было бы в теофорных именах их царей искать не Тишупа, а скорее Аттиса. Тогда получим известные имена: Kili-ates, Kali-ates, Sadi-ates. Последнее имя, [а] может быть, и Kaliates<’Aliates ведут нас в Лидию, а первое сходно с филистимлянским Goliath.

Таким образом и курхи, подобно своим соседям мускам и пурукуззам, переносятся с ассирийских границ, где мы их застаем, на запад Малой Азии. Выражаясь точнее, через эти три племени устанавливается этническая связь между восточными и западными окраинами малоазийского полуострова. Курхов-колхов, как и мусков-мосхов мы застаем впоследствии на берегу Черного моря в стране, называемой Колхидой. Они неразлучны здесь, неразлучны на границе Ассирии; и неудивительно, если они были вместе и на лидийском плоскогорье. Поставленный выше вопрос о том, шло ли движение с востока на запад или обратно, относится к общей проблеме расселения яфетических народностей. Для нашей цели достаточно было установить, что кавказские народности в отдаленном прошлом имели своих представителей в центрах малоазийской культуры - в Лидии и Фригии. Теоретически допустимо, что в духовном наследии этих стран могут быть элементы, которые восходят к этим представлениям. Стало быть, попытка наша разыскать подобные элементы

---

[17] {название}

[18] Brünow und Winckler, Forschungen I, 460.

должна считаться законной в смысле этнологической обоснованности.

К числу искомых элементов относятся названия фригийских божеств Кибелы и Атиса. Известен рассказ Геродота (II, 2) о том, как египетский царь хотел узнать, какой язык наиболее древний, и как вопрос разрешился в пользу фригийского. Этой славой Фригия обязана, очевидно, неарийскому населению, утвердившемуся здесь сравнительно поздно, в IX ст. до Р.Х. Она должна быть отнесена в счет доарийских обитателей страны, подобно тому, как другая особенность Фригии, как страны "хорошо укрепленной" εὐτειχήτοιο[19] также восходит к прежней этнике ее, как думает Ramsay. Железное и каменоломное искусство и строительство Фригии роднят ее с яфетидами, слывшими действительными мастерами в этом деле. Кроме отзывов древних и Библии о халибах и тубал-каинах, тому свидетель – сохранившиеся поныне циклопические постройки халдов в Армении.

Вера в древность фригийского языка была так глубока, что даже боги представлялись говорящими на нем[20]. Это обстоятельство, очевидно, реально надо объяснить тем, что в культе арийской Фригии чувствовалось еще лексическое наследие прежних обитателей. К яфетическим кавказским слоям населения восходят Кибела и Атис.

Еще древние интересовались этимологическим значением названия Κυβέλη. Одни производили его от κύβος=cubus, ἀπὸ τοῦ κουβικοῦ σχήματος ["от формы куба"]; другие – от ἀπὸ τοῦ κυβιστᾶν τὴν κεφαλήν, т.е. "[от] качания головы", capitis rotatione quod proprium est eius sacerdotis ["вращение головой, свойственное ее жрецу"]. Страбон и за ним Suida связывают его с именем горы: Κυβέλη ἡ῾Ρέα· παρὰ τὰ Κυβέλη ὄρη· ὀρεία γὰρ ἡ θεός ["Кибела – это Рея; <имя получил от> гор <называемых> Кибела: ибо богиня эта горная"]. Последнее толкование подсказало мысль об отождествлении Κυβέλη с семитическим gebel, gabal, араб. djebel – "гора"[21].

Другие сопоставляют его с ka'aba в Мекке, считая

[19] Hymni Homerici, IV 112.
[20] Hymni Homerici, V, 113.
[21] **H. Lewy**, Die Semitische Fremdwörter im Griechischen, Berlin, 1895, p. 249.

Κυβέλη уменьшительной формой kuba[22]. Еще более рискованную этимологию предлагает Ramsay: Κυβέλη якобы - другая форма названия Sipylus, восходящего к Semole[23]. Graillot, автору монографии о Кибеле, пришло в голову сблизить Κυβέλη с каким-то ассирийским богом Gibil[24]. Наконец, упомянем, что известный ориенталист Мордманн в виду аэролитного происхождения Пессинунтского камня, эмблемы богини, производил ее имя от слова kobjel, - вероятно, армянское կոփել "тесать, полировать"[25].

Все эти этимологии, одинаково правдоподобные, столь же непримлемы прежде всего потому, что они носят эпизодический характер и не отвечают этнологическим условиям жизни слова.

Гезихий, несомненно, располагал прекрасным источником, толкуя Κυβέλη· καὶ ἄντρα καὶ θάλαμοι ["Кибела: и пещеры, и покои"]. Толкование не навязано какой-нибудь народной этимологией или искусственным сближением. Об этом и речи не может быть. Автор, бесспорно, пользовался хорошей традицией. Обычная форма, правда, Κυβέλη или Κυβέλα, но более древняя и более правильная звучит Κυβελίς, как у Hipponax'a (VIв.)[26] и имеет значение прилагательного. Она подтверждается и известной надписью на фригийском монументе царя Миды, где читается Matar Kubile. Слово kub-ile разлагается на основу kub- и суффикс –ile. В грузинском и армянском языках имеется слово, которое вполне покрывает kub- фонетически и семасиологически. По-грузински **qvabi** qwabi значит пещера, σπήλαιον – как видно, между прочим, из контекста греческого Святого Писания[27] (напр., Матф. 21,13, Иоанн. 11, 38). В армянском слово встречается в географическом названии Քոբայր, Qobayr, которое разлагается на qob и ayr. Местность эта лежит в области Гогаре-

---

[22] **R. Eisler**, Kuba-Kybele, Philologus, t. LXVIII, 1909, p.118.

[23] **W. M. Ramsay**, Sipylus and Cybele, JHJ III, p.33.

[24] **H. Graillot**, Le Culte de Cybèle, Mère des dieux, à Rome et dans l'Empire Romain, Paris, 1912, p. 198: "le nom de Cybèle ne serait-il pas à rapprocher de Gibil, le dieu-éclair des Assyriens" ["не соответствует ли имя Кибелы имени ассирийского божества молнии - Гибил?"].

[25] Mordmann, Altphrygische Sprache, Sitzungsberichte der Akademie der München, 1862, p. 32: "kobjel polieren im Bezug auf das zu Pessinunt von Himmel herabgefallene steinerne Bild der Grossen Göttin" ["kobjel" – обтесывать, в связи с каменным изображением Великой Богини, упавшим с неба на Пессинунт].

[26] **T. Bergk**, Poetae Lyrici Graeci, Leipzig, 1843, Fr. 121.

[27] [То есть из сопоставления грузинского перевода с греческим текстом Писания.]

не со смешанным армяно-грузинским населением, и известна как родина духовного деятеля армянской церкви Давида. Армянская приставка ayr[28] “пещера” к грузинскому слову qob служит толкованием его значения или простым эквивалентом.

Слово qwabi представляет множественное число от qwa “камень”. Но вернее, в конечном элементе имеем не примету множественного числа, а слово **ube** ube в значении “углубления, ямы”, отсюда “пазуха” и пр. Quabi, стало быть, значит “углубление или пещера” в камне, в скале. Составные части его имеются и в армянском в виде **քիւ** qiw “камень”, и, в частности, угловой камень в стене и **ոփ** op’ “яма, углубление”. Грузинское ube=армянское op’ само по себе выражает понятие пещеры. Qwa определяет точнее и указывает на пещеру, вырытую в скале. По семантике quabi равносилен армянскому **քարայր** qarayr, “каменная пещера” или **քարանձաւ** qaranjaw.

Что касается конечного –ile, то он не представляет ничего энигматичного[29]. В грузинском и сейчас имеется живой суффикс –ili, -eli для образования прилагательных. В таком же значении встречается суффикс –ile в лидийском языке[30].

При таком анализе слово Κυβηλίς получает значение прилагательного “пещерный”. Предложенные qwa+ube = *qob или *qub объясняет двоякую форму разбираемого названия, κυβέλη и κωβέλλις, которая встречается в одной надписи во Фригии (Κωβέλλις, δὶς τοῦ᾿Αττῆ Ποσειδῶνι ἐπηκόω εὐχήν[31]). Если до-

---

[28] [На самом деле это, разумеется, корень, как раз означающий ”пещера”.]

[29] [Загадочного, непонятного].

[30] E.Littmann, Sardis, vol. VI. Publications of American Society for the Excavation of Sardis, 1916. В ликийском известно одно слово, имеющее сепульхральное значение, близко стоящее к нашему слову: оно звучит cupa (E. Kalinka, Tituli Asiae Minoris, vol. II: Tituli Lyciae lingua Lycia conscripti, Vindobonae, 1901 20_3, 83_{12} и пр.). Связь его с арм. **գուբ** gub “ров” мне кажется несомненной. Но армянское слово является заимствованием из арамейского. А в каком отношении находится последнее к ликийскому cupa, неясно. Вернее всего слово проникло в арамейский из Малой Азии (см. Autran, Tarkondemus, p. 87). Сюда ли относится греч. Κύπη· τρωγλή, как толкует Гезихий? И верна ли индо-европейская этимология санскр. Kūpa-ḫ ”ров”?

[31] [Так в рукописи Н.Адонца. К сожалению, нам не удалось отыскать надпись, на которую он сылается. Примерный ее смысл: “Кобеллис <посвящает> дважды (или: двоим) – Аттису и Посейдону, внемлющему молитве”. Затруднение вызывает родительный падеж артикля перед именем Аттиса – возможно, просто авторская описка.]

пустить, что грузинское слово **upe** upe “пуп”, собств. “яма” – двойник ube, то станет понятной форма Κυπέλλα у Цеца[32].

Двойное значение слова - ἄντρα и θάλαμοι - “пещера” и “комната” - заслуживает внимания. Знакомые с халдскими древностями в Армении знают, что высеченные в скале пещеры являются, действительно, комнатами, иногда прекрасно отделанными. Особенность строительного искусства халдов состояла в том, что они выбирали изолированные скалистые высоты и в них высекали просторные помещения, которые служили им прежде всего дворцами для царей и храмами для богов. Халдские постройки, пережившие разрушительное действие веков, поныне вызывают в нас удивление. Преемники халдов в стране, армяне, подражая им, тоже высекали в скалах помещения: монастырь ГеЕард близ Эривани представляет изумительный пример этого и чаще называется **Այrիվանf** от < **Այrավան-f**, т.е “пещерный монастырь”.

По нашему толкованию Kubile не есть, собственно говоря, имя фригийской Матери богов, а один из ее многочисленных эпитетов. Она обязана этим прозвищем пещере-храму, где находилась ее святыня. Название нарицателное, в применении к данной местности на Пессинунте, где находился ее популярный храм, приобрело смысл собственного имени, подобно армянскому **Քոբայr** qobayr [“пещера”]. Matar Kubile - такое же название, как Meter Sepylene, Meter Dyndimene и пр. Храм на Пессинунте выдвинулся благодаря легендам, приноровленным именно к этой местности.

Соотношение пещеры и храма может быть проиллюстрировано другим разительным примером. В армянском имеем **պաrեխ**, parex в значении “пещеры” и **փաrախ** Darax, что значит “овчарня”. Оба слова проникли в грузинский и звучат **parexi** parexi “пещера” и **farexi** Darexi – “овчарня”. Это одно и то же слово с раздвоенным значением. И поныне в Армении и Грузии естественными овчарнями являются пещеры. Различие в вокализации и в начальном звуке – диалект[ного] характера. Обе формы восходят к более древнему **պառակ** paCak в значении “овчарни, стада”. Это слово может быть

---

[32] [Примечание в тексте Н. Адонца отсутствует. Вероятно, автор обнаружил недоразумение: в трактатах Иоанна Цеца подобного слова нет, зато у эпиков и их комментаторов встречается слово κύπελλον в значении “чаша”, а также эпитет ἀμφικύπελλος “полый с двух сторон”].

сопоставленно с известным ассирийским словом parakku или parak, что значит “дворец”. Подлинное значение армянского պառակ сохранилось в диалекте Мегри, где պառակ paCak значит “скала”, этому соответствует и փառական DaCakan[33].

По всей вероятности, к этому слову восходит и грузинское **bragi** bragi<praki[34].

Спутник Кибелы, Атис, представляется молодым богом, сопровождающим мать богов. Исходя из этого, ученые старались осветить его имя в соответствующем смысле. Они подыскивали такую этимологию, которая отвечала бы указанной черте его. Так поступали еще в старину. По словам Арнобия, одни считали At(t)is за лидийское слово, обозначающее якобы “юношу”, scitulus, другие производили от фригийского atagus “коза”, так как по легенде бог был вскормлен козой[35].

Подобные же тенденции по существу лежат в основе этимологических попыток нового времени. Рамзей считает, что так как Атис - сын Агдистиса[36], то и имя его – сокращение имени матери[37]. По мнению Томашека Atis – фригийская передача сирийского ʼΑδων ὁ δεσπότης [“господь Адон”], с оговоркой “jedoch mit Anlehnung an das Lallwort ata, ἄττα” [“но и в подражание детскому слову ἄττα][38]. Kretschmer тоже относит его к числу Lallwort [“детских

---

[33] В армянском պառակ значит еще “группа” в применении к животным (букв. “по овчарням”). Любопытно, что и это слово, [которое] встречается в грузинском в виде fara, Dara, заимствовано из армянского. Պառական “охотничья собака”, значит скорее “пастушеская собака”. У Чубинова слову parexi дается значение “пушистый хвост собаки”, причем ссылается он на С.Орбелиани. Видимо, в источнике читалось պառական. В армянском имеется также слово փարակ “охотничья собака”, но возможно, что оно имеет отношение к բարակ, означающему “охотничья собака”.

[34] [Пассаж заканчивается обрывочными предложениями]: Вопрос о происхождении слова оставляем в стороне. Греческое μέγαρον “комната” некоторыми сопоставлялась с арабсским mağara “пещера”. Нельзя пренебречь этим сопоставлением.

[35] Arnobii Adversus gentes, V, 6.

[36] [Так как Агдистис – гермафродит, это имя может быть равным образом поставлено и в женском, и в мужском роде. Мы сохраняем авторское написание.]

[37] **W. M. Ramsay**, Some Phrygian Monuments, The Journal of Hellenic Studies, vol. 3 (1882), p. 56.

[38] **W. Tomaschek**, Die Alten Thraker, Sitzungberichte der Kaiserlichen Akademie in Wien, B. CXXX, 1894, p. 42.

слов"][39]. Другие, основываясь на известной фразе Арриана, выдвигают значение "отец"[40].

Мнение F.Hommel'a совершенно другого порядка и заслуживает большего внимания: он возводит Atis к этническому названию Khattu, Kheta[41].

Нет надобности входить в разбор этих этимологий. Наша цель – защитить собственное толкование, которое проливает новый свет на изначальное существо малоазийского бога. Отметим сначала, что наиболее древней формой разбираемого термина надо признать Ates. Она имеется на памятнике царя Миды[42]. Ближе к нашей форме стоит стоит Atus у Геродота (I, 34), у Ксанфа Лидийца[43], у Лукиана (De Syria dea). С двойным -t [имя] встречается впервые у комического поэта Феопомпа, современника Аристофана[44], и эта форма – Attis - наиболее популярна у последующих авторов.

Все три формы – Ates, Atus, Attis – находят свое объяснение в кавказском слове, означающем месяц и луну.

В грузинском **Tve** или **Ttve** θwe, θθwe – обычное слово для обозначения месяца, а в древнегрузинском и лун[ы]. Последняя называется чаще **mTvare** m-θwa-re, то есть производным от того же корня словом. Лазо-мингрельская группа имеет то же слово в виде TuTa θuθa в том же двойном значении. В сванском оно звучит **doSd** или **doSdul(i)** došd, došd-ul(i); к иллюстрации звукового изменения ср. грузинское **daTvi** daθwi "медведь" = сванское **daST, daSdv**, dašθ, dašθwi; или грузинское **aTi** aθi "десять" = сванское **ieSd** yešd и пр. Сванское слово налицо и в названии понедельника - došdis, dešdiš, по составу сходном с европейскими Monday, Montag или Lundi. В аварском языке в Дагестане понедельник называется itniko, которое

---

[39] P.Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, S. 350 и сл.

[40] Flavii Arriani fragmenta, Eustathii Commentarii ad Homeri Illiadem. 565,3 – Βιθυνοὶ ἐκάλουν πάπαν τὸν Δία καὶ Ἄττιν τὸν αὐτόν [Вифины называли Зевса отцом, а также Аттисом]. Vaniček, Fremdwörter in Griechischen und Lateinischen, 1878. См. Graillot, Le Culte de Cybèle, p.10. J.G. Frazer, Adonis, Attis, Osiris. Studies in the History of Oriental Religions, vol. I, London, 1919, p. 281.

[41] **F. Hommel**, Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients, 1904, p.39.

[42] **W. M. Ramsay**, Cities and Bishoprics, I, 132. G. Perrot et C. Chipiez, Histoire de l'Art dans l'Antiquité, Paris, 1890, vol. V, p. 82.

[43] Dionysii Halicarnassensis Antiquitates, I 28

[44] Fragmenta Comicorum Graecorum, ed. Meineke II 801.

разлагается на itni- и –ko[45]. Последний слог значит “день”, а itni содержит, несомненно, занимающее нас слово. Любопытно, что в аварском луна обозначается словом mož, равным грузинскому mza, что значит “солнце”, сванскому miš с тем [же] значением (ср. Miš-ladeg “воскресенье” с европейскими Sonntag, Sunday). В сванском имеется еще слово θew в значении “месяца”. Оно воспроизводит армянское թիւ θiv “число” (от первоначального понятия луны как единицы измерения; ср. mensis от корня *mē – “измерять”), откуда армянское թուել, грузинское **Tvla** “считать”. Сходство армянского и сванского слов следует объяснять общностью источника; таковым, возможно, служил мосхский, язык племени, ближе стоявшего к сванам и к доарийскому населению Сомхетии в узком смысле слова. Основой приведенных форм следует считать θe или θwe в значении света, откуда понятие луны как светила и понятие “белого” (грузинское **TeTri** θeθ-ri). Сходным образом имеем в европейских [языках] Lux, luna <*luqsna, լոյս, “свет”, լուսին “луна” и λευκός “белый” и в семитских - lebānāh “белый” и “луна”.

Весьма важно, что это слово встречается и в этрусском языке. Во фразе avils XX tivrs śas первое слово означает “год”, второе “месяц”, а śas – “шесть”[46]; конечный –s в avil-s, tivr-s – признак родительного падежа. Может быть, и *–l* и *–r* имеют отношение к родительному падежу. Tivr, соотв. tiv- означает месяц, вероятно, в двойном его смысле. Что в этрусском луна называлась этим или подобным словом, видно еще из следующего. Латинские писатели название ид производили от этрусского itus: Idus ab eo, quod Tusci itus, vel potius quod Sabini Idus dicunt [“Ид<ы> просходят от того <слова>, которое этруски произносят как “ит<ы>, а сабины скорее как ”ид<ы>””], говорит Варрон[47]. То же самое утверждает Макробий: Apud (Tuscos) is dies itus vocatur [“У (этрусков) этот день называется “иты””], при этом приводит разные мнения о происхождении самого слова. Одни связывали idus с этрусским глаголом iduare=dividere

---

[45] **C. Graham**, The Avar Language, The Journal of Roial Asiatic Society, vol. XIII, II, 1881.

[46] Paulys Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G.Wissowa unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen, hrsg. von **W. Kroll**, v. Etrusken.

[47] Varro, De lingua Latina VI, 28.

["делить"], другие производили от слова idulis "овца", т.к. в день ид приносили в жертву овец; но было еще мнение, что idus называется [так] потому, что в этот день ["видна полная луна"] "plena luna videatur", то есть idus считали происходящим от videre ["видеть"][48]. В этих этимологических попытках, для нас необязательных[49], важнее всего ссылка на луну. Название idus через этрусское itis, itus мы возводим к понятию луны. Иды, время полнолуния, и есть время луны par excellence. Вполне естественно, чтобы это время называлось по луне, т.е чтобы idus<itus означало бы просто "луна" или "лунное" (время). В таком случае мы имели бы право свести itus к этрусскому tiv или tivr "луна". Армянское թիւ, сванское θew подтверждают этрусское *tiv, а этрусское tivr имеет прекрасный эквивалент в ингилойском θora "луна". С другой стороны, Itus вполне совпадает с сумерийским словом itu, что значит тоже "луна, светило"[50], а iti-s встречается в халдских и в третьей ахеменидской надписях в том же смысле. Это обстоятельство вскрывает большое значение разбираемого слова: связывая этрусков с халдами, и обоих – с сумерами, оно служит красноречивым показателем былых этнологических отношений между доарийской Малой Азией и досемитической Месопотамией от ионийских берегов до Персидского залива. Общее всем трем мирам слово, означающее луну, своей живучестью обязано, очевидно, тому, что луна воспринималась как верховное существо. Естественно, напрашивается мысль: к кругу указанных слов отнести также название популярного малоазийского бога: Ate-s, Atu-s, а равно Atti-s вполне покрывают выведенную основу θe, θu, θθw.

Начальный звук *a* не должен смущать нас. Он имеет эквивалент в *i* других форм, и может быть протетического или иного, неуловимого происхождения. Семитический Tammuz[51] перешел в гре-

---

[48] Macrobius, Saturnalia, 15

[49] **A. Walde**, Lateinisches Etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1910, склонен считаться с этими этимологиями.

[50] **S. Langdon**, A Sumerian Grammar and Chrestomathy with a Vocabulary of the Principal Roots in Sumerian and a List of the Most Important Syllabus and Vowel Transcriptions, Paris – New York, 1911, ср. M. Tzereteli, Sumerian and Georgian, The Journal of the Royal Asiatic Society, 1913, January.

[51] Предположение, будто Adonis - от кананейского adōn = ассир. и сумер. umun "господин" (Zimmer, Abh. d. Phil. Kl. Kön. Sächs. Gesch. D. Wiss., 1909, XXVII) вряд ли основательно.

ческий в виде A-donis, т.е. с таким же протетическим *a*. Фригийской среде Атиса не чужда была эта языковая особенность: арио-европейское genus [“род”] дает во фриг. ἀ-ζήν; [“месяц”,] mensis, μήν - армянское **ա-միս** и пр. В географических названиях встречается имя Атиса и без начального *a*, напр. Tottaion (в верховьях Мембриса с культом Meter Ciclea) или Tottes, наряду с Attalia (ныне Adalia), Attyda, Attaia, Attanassus (<’Αττισ-άναξ), Atoukome, Ateous kastron и пр[52].

Наш лингвистический анализ ведет к тому, чтобы признать в Атисе лунное божество. Речь идет о происхождении, об изначальном существе его. Впрочем, вывод наш отнюдь не противоречит и традиционному представлению о спутнике матери богов и находит оправдание в новейших данных клинописной литературы. К этому вернемся ниже. Остановимся пока на некоторых явлениях из исторической среды Атиса, говорящих в пользу нашего положения.

Известно, что малоазийский пантеон знал лунного бога по имени Мен. Сходство его с Атисом давно отмечено исследователями. Слава и популярность Мена выходила за пределы той скромной дани, которую платили арио-европейские народы Луне в числе других второстепенных божеств. Мен, несомненно, питался старинными корнями: он – росток давнишнего культа, он – отображение Атиса в новой этнической обстановке. В сущности Мен ничем не отличается от Атиса, разве только именем: а в нашем понимании даже имя его является греческим переводом Атиса. Мен молод, как Атис; оба они одеты одинаково, оба носят родную Атису фригийскую шапку; у них общие атрибуты – мак, гранат, сосновая шишка; лунный серп одинаково красуется над ними как красноречивая надпись об их былом существе.

Обыкновенно думают, что Атис и Мен – разные божества – постепенно сблизились и окончательно слились, причем все качества Мена перешли к Атису. Однако не совсем понятно, почему вегетационный бог с популярнейшими мистериями, бог, признанный даже в Риме, должен был перенять у лунного божества его качества;

---

[52] Murray’s Handy Classical Maps. Asia Minor, by J.G.C. Anderson, 1903; также **W. M. Ramsay**, The Historical Geography of Asia Minor, London, 1890.

или почему лунное божество должно было слиться с Атисом, богом другой природы.

Если признать наше воззрение об изначальном существе Атиса, то все будет понятно. Мен – греческий аспект Атиса. С усилением греческой культуры в Малой Азии лунная природа местного бога, ставшего вегетационным по преимуществу, была выделена в особое существо под видом Мена. В период национального возрождения этнических коллективов после битвы при Магнезии образ Атиса был восстановлен в полноте и он вступил в свои права, уступленные перед тем Мену. Вот почему во фригийском городе Евменеи Men Ascaenos называется Ἀγδίστεως, ["<принадлежащий> Агдистису"] т.е. Атисом, т.к. он и есть сын Агдистиса-Кибелы[53]. Или Men Karou восседал в городе, носящем имя Атиса, Attuda, и почитался как местное божество, очевидно, унаследовав славу Атиса. В орфическом гимне читается Μητερα τ᾽ ἀθανάτων Ἄττιν καὶ Μῆνα κικλήσκω ["Призываю Матерь бессмертных, Аттиса и Мена"]. У Roscher'a (Lexikon) совершенно верно толкуется, что здесь речь идет не о двух, а об одном божестве с двумя названиями Атис – Мен[54]. В латинских тавробольных надписях встречаются выражения вроде Attidi Menotyranno ["Аттису Мену-тиранну"], т.е Мен со своим характерным титулом поглощен Аттисом[55]. Среди городов, центров культа Мена, приводимых у Roscher'a некоторые носят названия, сохранившие, по-видимому, память Атиса, напр. Ἀξιεττηνός или Ἀξιοττηνός.

О лунном происхождении Атиса говорит и то, что в легендах, отражающих архаические черты верования, он называется "пастухом светлых звезд", приписывается ему, как подобает пастуху, fistula и virga – свирель и посох[56]. Под пастухом понимается луна и это не просто фигуральное выражение, определяющее отношение луны к звездам: бог флоры считался одновременно и покровителем стада, и оба понятия, как увидим, связывались с луной.

---

[53] Corpus Inscriptionum Graecarum, 3886 add.

[54] Hymni Orphici, Prooemium, 40.

[55] Corpus Inscriptionum Latinarum, VI **499**, **500** и пр.

[56] Hippolitus, Refutatio omnium haeresium, V.9, ποιμὴν λευκῶν ἄστρων ["пастырь белых звезд"], также Arnobius, **4**, **35**; [Homeri Ilias, IV, **275**] αἰπόλος ἀνήρ; [Scholia] in Theocritum [VIII, 30] συρικτή, Tertullian и др., см. **C. Bruchmann**, Epitheta deorum, quae apud poetas Graecos leguntur, Leipzig, 1893.

Любопытно, что и другие ученые чувствовали, что культ Мена имеет корни в древнейшем пантеоне страны. Ramsay искал в нем наследие фригийского солярного божества Manes'а[57]. Он прав принципиально, поскольку для Мена полагает местного прародителя. Но сопоставление его не совсем верно: Мен восходит к лунному божеству Атису, а не солярному Манесу.

Лунный бог пользовался, по-видимому, большим почетом в Передней Азии вообще, и среди яфетических народностей в частности[58]. Слова Страбона о культе луны в Албании (Кавказской) заслуживают исключительного внимания. Албанцы "почитают как богов – говорит Страбон – Солнце, Небо, Луну, в особенности Луну. У них имеется святилище поблизости от Иберии. Жрецом состоит у них лицо наиболее уважаемое после царя, стоящее во главе святилища большого и многолюдного, и вместе с ним ему подчиняются храмовые рабы. Из них многие вдохновляются и пророчествуют" и пр[59].

---

[57] JHS, 1889, p. 229.

[58] Впрочем, культ луны высоко стоял в Индии. "The Moongod as Joma forms the centre of Vedic belief and cult" ["Такой лунный бог как Йома образует центр ведических верований и культа"], **A. A. Macdonell**, History of Vedic Mythology, Strassburg, 1897, p. 113: "being the creator and ruler of the world much more than the sun: while Indra is the most popular Vedic God only next to the moon" ["... создатель и правитель мира в гораздо большей степени, чем Солнце: в то же время Индра – это самый популярный ведический бог, но только вслед за Луной "]. Grundriss der Iranischen Philologie, II, p. 113.

[59] Strab. XI, 4, [7]. Θεοὺς δὲ τιμῶσιν Ἥλιον καὶ Δία καὶ Σελήνην, διαφερόντως δὲ τὴν Σελήνην. Ἔστι δ' αὐτῆς τὸ ἱερὸν τῆς Ἰβηρίας πλησίον· ἱερᾶται δ' ἀνὴρ ἐντιμότατος μετά γε τὸν βασιλέα, προεστὼς τῆς ἱερᾶς χώρας, πολλῆς καὶ εὐάνδρου, καὶ αὐτῆς καὶ τῶν ἱεροδούλων, ὧν ἐνθουσιῶσι πολλοὶ καὶ προφητεύουσιν· ὃς δ' ἂν αὐτῶν ἐπὶ πλέον κατάσχετος γενόμενος πλανᾶται κατα τὰς ὕλας μόνος, τοῦτον συλλαβὼν ὁ ἱερεὺς ἁλύσει δήσας ἱερᾷ τρέφει πολυτελῶς τὸν ἐνιαυτὸν ἐκεῖνον, ἔπειτα προαχτεὶς εἰς τὴν θυσίαν τῆς θεοῦ, σὺν ἄλλοις ἱερείοις θύεται μυρισθείς. Τῆς δὲ θυσίας ὁ τρόπος οὗτος· ἔχων τις **ἱερὰν λόγχην**, ᾗπερ ἐστι νόμος ἀνθρωποθυτεῖν, παρελθὼν ἐκ τοῦ πλήθους παίει διὰ τῆς πλευρᾶς εἰς τὴν καρδίαν, οὐκ ἄπειρος τοιούτου· πεσόντος δὲ σημειοῦνται μαντεῖά τινα ἐκ τοῦ πτώματος και εἰς τὸ κοινὸν ἀποφαίνουσι, κομισθέντος δὲ τοῦ σώματος εἴς τι χωρίον, ἐπιβαίνουσι ἅπαντες καθαρσίῳ χρώμενοι. [Приведенная в ссылке по-гречески, но не переведенная Н. Адонцем часть пассажа гласит: "Если же кто из них, впав в особое неистовство, блуждает в одиночку по лесам, то схватив его и наложив на него священные оковы, жрец обильно кормит его весь тот год, а затем выводит его на заклание богу, и умастившись, вместе с другими жрецами закалает его. Жертву же приносят следующим образом: есть у жреца некое **священное копье** <подчеркнуто Н. Адонцем>, которым по закону положено закалать людей; выйдя из толпы, он, имея в том определенную сноровку, бьет сквозь бок в сердце; по

Слово διαφερόντως ["в особенности"], как и все описание святилища и условий, в которых совершались жертвоприношения, показывают, что луна занимала в Албании первенствующее положение среди богов. Ей приносили человеческие жертвы с особыми церемониями. Вспомним, что и Артемида Таврическая, первоначально тоже лунное божество, требовало человеческих жертв. Нет ли генетической связи между человеческими жертвоприношениями у албанцев и известной ампутацией в культе Атиса, как символизацией начального обычая приносить человеческие жертвы?

Интересно в особенности указание Страбона, что посвященные луне рабы блуждали в священном лесу и многие из них пророчествовали. Дар предсказания и вдохновение исходил, очевидно, от бога, которому были посвящены рабы. Иначе говоря, луна у албанцев считалась еще богом предсказания, колдовства. Армянское слово թով θον в значении заклинания, колдовства не восходит ли к той же основе, откуда название бога луны?

Лунный бог был в почете, несомненно, и в Армении. Отклики старого культа слышны в армянских сектах, например, павликианстве. Кибела и Атис были очень популярны среди армян, хотя под другими названиями. На то указывает и легенда о Диорфе, приводимая у Псевдо-Плутарха, что является армянской версией Пессинунтского мифа о Кибеле и Атисе. Вопрос о культе божественной четы у армян будет рассмотрен в особой статье.

Если теперь обратимся к установившимся воззрениям на культ Атиса, то увидим, что они вполне совместимы и с нашим пониманием Атиса. Наша точка зрения скорее дополняет принятые воззрения и совпадает с результатом новейших исследований об ассирийских эквивалентах Атиса.

Немецкий ученый Hepding[60] в своей прекрасной монографии собрал воедино разбросанные историко-литературные материалы и

тому, как упадет труп, совершают некое гадание и <результаты> его объявляют всем <присутствующим>; когда же уносят тело, все собираются в каком-то месте, и <там> совершают обряд очищения"].

[60] **H. Hepding**, Attis, seine Mithen und sein Kult, Giessen, 1903, Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten von A.Dieterich und K. Wünsche, hrg. K. Wünsche und L.Deubner, Bd. I, Berlin, 1903.

сведения об Атисе и осветил культ его с достаточной ясностью. Заключение, к которому он пишел, можно сформулировать словами авторитетного специалиста Cumont'a: "Attis personnifie probablement la végétation, brûlée par les ardeurs de l'été avant d'avoir attaint sa maturité et que durant d'hiver paraît s'affaiblir et pour ainsi dire perdre la virilité puis mourir, pour renaître au printemps avec un nouvel éclat " ["Атис, вероятно, олицетворяет вегетацию, которая кипит в летнюю жару, пока не достигнет своей зрелости, и которая как будто ослабевает зимой и, так сказать, теряет свою мужескую природу, а затем умирает, чтобы возродиться весной в новом блеске"][61].

Так думали и древние. Почти в таких же словах характеризует Атиса философ Порфирий, как о том сообщает Августин[62]. По его мнению, Атис – "весеннее лицо земли", то есть бог вегетации, флоры. Но так как источником жизни в народе считается солнце, его животворящие лучи, то, естественно, что Атис должен был слиться с понятием солнца. Арнобий прямо говорит: "Attis sol est" ["Атис – это солнце"][63]. Однако в более отдаленные времена, на заре жизни Атиса, по крайней мере, его почитатели были иного мнения о растительной и вообще животной жизни в природе. Они ставили ее в связь с луной скорее, чем с солнцем.

Великое ночное светило со своими причудливыми фазами поражало и приковывало к себе сознание первобытного человека-пастуха. Оно представлялось им своего рода "плодом самопроизводящимся"[64], который вырастает и умирает для того, чтобы вновь родиться и вновь умереть. Этот небесный плод, казался прототипом растительной и даже животной жизни на земле. От нее, от луны зависели "das Wachstum der Pflanzen und das Gedeihen der Herde" ["произрастание растений и приращение стад"][65]. Влияние луны на

---

[61] **F. Cumont**, Notice sur un Attis funéraire (Extrait du Bulletin de l'Institute Archéologique liégeois, t. XXIX, 1901, p. 5).

[62] Augustini De civitate Dei, VII 25: propter vernalem quipped faciem terrae, quae ceteris est temporibus pulchrior, Porphyrius, philosophus nobilis, Attin flores significare perhibuit, et ideo abscisum, quae flos decidit ante fructum [Из-за этого-то весеннего лика земли, что прекрасней всех остальных времен <года>, сообщает Порфирий, благородный философ, Аттис обозначает цветы, и кастрирован он потому, что цвет опадает до того, <как появится> плод].

[63] Arnobius, V, 42.

[64] Jeremias, Das Alte Testament, p. 33. Rocher's Lexikon, Sin, IV, p. 895.

[65] Rocher's Lexikon. II 3152.

растительный и животный мир признается и классическими писателями, даже Аристотелем[66]. На основании одного документа из архива Нипур (**2500-2400** г.), изданного Лангдоном[67], полагают, что астральный характер Innini, сумерийской Иштар, надо считать установленным и доказанным. Он показывает, что "Die Babylonischen Höllenfahrt-Legenden nicht nur das Leben und Sterben der Vegetation, sondern auch das Verschwinden und Sichtbarwerden innerhalb des Gestirnhimmels zum Ausdruck bringen. Beide Erscheinungen am Himmel und im Naturbuch galten in der altorientalischen Geisteswelt als Entschprechung" ["Вавилонские легенды о сошествии в загробный мир отражают не только жизнь и смерть вегетации, но и процессы исчезновения и появления на звездном небе. В древневосточном духовном мире оба явления – на небе и в книге природы - рассматривались как взаимосоответствующие"][68].

Иштар спускают в подземный мир в поисках Таммуза (=Атиса). Это он на три дня исчезает в подземном мире, через три дня он показывается, воскресает, приветствуемый радостным hillal (=аллелуйа) – так выражается Гудеа, наместник Лагаша, о фазах луны. Жизнь луны в этом представлении является астральным первообразом смерти и воскресения Атиса-Таммуза на третий день. Атис – олицетворение луны[69].

Hommel[70] утверждает, что Hadad был первоначально сирийским лунным богом (ursprünglich der Syrische und auch Assyrische Mondgott ["первоначально сирийский, а также ассирийский лунный бог"]). Его эпитет был rimmon, т.е. "гранат", что вполне соответствует месопотамскому представлению о луне. Выше мы упоминали, что inbu="плод" назывался лунный бог Син. В Вавилоне rimmon был воспринят под влиянием народной этимологии как Rammanu, т.е "гремящий", откуда вавилонское название Адада. Тот же ученый сопоставляет Адада с <майинским>[71], тоже лунным богом Wadd.

---

[66] Ibid.

[67] **S. Langdon**, Tablets from the Archives of Drehem, Proceedings of the Society of Biblical Archeology, 1912.

[68] Jeremias, Roscher's Lex. III, 1436.

[69] Ibid. III, p. 892.

[70] **F. Hommel**, Grundriss der Geographie, Geographie der Vorderasiens, p. 88 и сл.

[71] [**У Н. Адонца** "минейским". Майин – царство в Северной Аравии, верховным божеством которого был бог Вадд – "любовь"].

Любопытно, что Wadd носил прозвище “отец”, Wadd ab[72], что напоминает эпитет Атиса, παπαῖος. Некоторые ученые на этом основании думали, что Атис значит “отец”. Но это так же было бы верно, если бы по выражению Ζεὺς παπαῖος сделали бы аналогичное заключение о значении Зевса. Адад, как известно, спутник богини матери Атаргатис, т.е. сирийской Кибелы[73]. Следовательно, Атис как лунное божество не есть исключительный пример среди любимцев матери богов.

При анализе легенд об Атисе и Кибеле обнаруживаются в них особенности, говорящие в пользу защищаемой нами тезы.

Миф об Атисе известен в некоторых версиях, но существо их одно и то же. По версии Гермесианакта[74], автора элегий, Атис - сын фригийца, родившийся от матери οὐ τεκνοποιός [“неродящей”]. Когда он вырос, переселился в Лидию, и установил здесь культ Матери, стал ее[75] любимцем в такой степени, что вызвал ревность Зевса. Мстительный бог послал на лидийцев **кабана**, от которого погибли они и с ними Атис. По сирийской традиции, раненный кабаном Атис спасся в Сирии[76]. К этой версии восходит, видимо, рассказ Геродота о сыне Креза по имени Атис, погибшем также из-за кабана. Крезу было предсказано во сне, что сын его умрет от острия железа. Несмотря на меры предосторожности, предпринятые отцом, сон сбылся. В соседней Мизии появился свирепый кабан. На борьбу с ним Крез отрядил группу молодых людей с царевичем во главе. Фригийский царевич Адраст, находившийся тогда в Сардах, выпросил у царя разрешение сопровождать Атиса. Во время погони за кабаном Адраст нечаянно поразил Атиса насмерть[77]. На канве Геродотова рассказа соткана сирийская версия о царице Стратонике (=Кибела) и красивом юноше Комбаба (=Атис)[78].

---

[72] Ibid. p. 85.

[73] Luciani De Dea Syria. Macrobii Saturnlia, 23, 17 и другие.

[74] У Павсания, VII 17 9 и сл.

[75] В рукописи читается ἥκων ... παρ᾽ αὐτῇ (т.е. Матери) τιμῆς [“оказался у нее в <такой> чести”], хотя издатели исправляют в παρ᾽ αὐτοῖς (т.е. у лидийцев) – вряд ли основательно.

[76] Luciani De Dea Syria.

[77] Herodoti Historie, I 34 и сл.

[78] Luciani De Dea Syria.

По другой, Пессинунтской версии[79], Зевс во время сна испустил семя на землю и от него выросло двуполое существо по имени Агдистис. Устрашенные этим чудовищем, боги отрезали у него мужескую половину и бросили. От нее выросло миндальное дерево, плод коего дочь реки Сангары подняла и спрятала у себя в лоне; от него она забеременела и родила Атиса. Чтобы скрыть позор, она выкинула мальчика. Но мальчик не погиб благодаря **козе**, которая кормила его. Он вырос и оказался красавцем. В него влюбилась Агдистис. Когда Атиса послали в Песинунт, чтобы женить его на дочери местного царя, на свадьбу явилась Агдистис. Атис в припадке {безумия[80]} ампутировал себя и умер. Агдистис, сокрушенная горем, просит Зевса предохранить тело Атиса от порчи и гниения.

К пессинунтской версии сводится сводная редакция Тимофея[81], жившего при Птолемее I. Скала, где почивал Зевс, носит название Agdus, родившееся чудовище – Agdestis. Дочь Сангары называется Nana. Выброшенного ребенка кормили **козьим** молоком и назвали Атис - “от того ли, что так называется по-лидийски ребенок, или от фригийского слова Atagos “коза””: et quoniam Lydio scitulos sic vocat vel quia hircus Phryges suis Atagos elocutionibus nuncupant, inde Attis nomen. Царь Пессинунта – Мида(с) и дерево, под которым Атис совершил самосечение – сосна.

Во всех версиях важную роль играет кабан или коза. Кабан – виновник смерти Атиса, а коза – кормилица, даритель жизни. Вряд ли можно относиться серьезно к толкованию, по которому кабан есть олицетворение суровой зимы или, как думают другие, знойного лета, убивающего весеннюю природу в лице Атиса. Кабан имеет здесь, несомненно, более реальное значение. Отношение Атиса к нему, а равно и к козе должно быть истолковано в смысле преемственности культа их: кабан и коза были когда-то предметами поклонения и почитались как боги, но должны были уступить место божеству Атиса. Боги, хотя и развенчанные, никогда не уходят бесследно

---

79 Также у Павсания, VII 17 10-11.
80 {сумасшествия}
81 У Арнобия, Adversus gentes, V. 5. Сводный характер редакции проглядывает, между прочим, из того, что автор два раза заставляет скалу родить – Magna Mater и Agdestis, принимая их за разные существа.

из мира верований, а застревают там на деградированных позициях. Известно, что кабан служил национальной эмблемой Ликии, как видно из дошедших до нас монет[82], носящих изображение его. А это значит, что кабан считался у них национальным богом, был признан священным животным[83]. То же можно сказать и про козу.

Подобно Атису, и Кибела по рождении была выброшена родителями и вскормлена пантерой[84] - легенда, имеющая отношение к эпитету богини μήτηρ θηρῶν [“Матерь зверей”]. А Семирамида, сирийская Кибела, гонимая той же судьбой, нашла кормилиц в голубях и спаслась от смерти благодаря их заботам[85]. Эти животные в таком же отношении находятся к своим питомцам, как кабан и коза к Атису. Культ животных и зверей входил в ранюю религию[86]. Низвергнутые со своих престолов, они в дальнейшем пребывали в мире верований как священные существа, приставленные к соответствующим богам или посвященные им. Выбор бога в каждом отдельном случае нуждается, разумеется, в объяснении. Чем же объяснить наш случай, именно, что бог Атис оказался в обществе кабана и козы? Если верна наша теза, что Атис представляет лунное божество или что он вегетационный бог, то как понять прикосновенность к нему именно названных животных?

Еще в древности была попытка разрешить поставленный вопрос на почве этимологического сближения имен. Народные этимологии имели большое значение в сложении мифов и легенд: часто они являются почти единственной основой вариации легенды. По Гезихию, ’Αδαγούς... θεὸς τις παρὰ Φρυξὶν Ἑρμαφρόδιτος, [“Адагус – бог у фригийцев, гермафродит”] т.е. Adagus отождествляется с Атисом. Adagus, как упомянуто выше, значит по-фригийски “коза”. Евстафий говорит[87], что Iones dixisse ἀττηγόν hiscum [“Ионийцы на-

---

[82] **V. E. Babelon**, Traite des monnaies grecques et romaines, p.II.
[83] [Примечание отсутствует].
[84] Diodori Siculi Bibliotheca historica, III, 58.
[85] Ibid. II.
[86] См. Ramsay. Hastings Dictionary, Extra volume.
[87] Eusthatius ad Odysseam, I, 1625. [Интерпретация этого места, очевидно, не принадлежит самому Н.Адонцу, а взята из какого-то словаря или учебного комментария к Одиссее. На самом деле Евстафий, рассуждая о словах, обозначающих возраст коз и овец, со ссылкой на Аристофана грамматика

зывали козла ἀττηγός”]. Коза появилась на сцене благодаря тому, что имя Атиса напоминало по созвучию какое-то слово, означавшее козу. Сближение это тем соблазнительнее, что коза сама была еще в ореоле священного животного, причастного к пантеону богов. Надо полагать, что такие же мотивы лежат в основе появления кабана в легенде, т.е. что его местное название тоже звучало сходно со словом, послужившим {связующим звеном[88]} между Атисом и козой.

В кавказских языках налицо искомые слова. В грузинском **taxe** ‘taχe значит “кабан”, в сванском – **tax** taχ. В тех же языках почти омонимичное слово значит “козел” – в форме **Txa** tχa по-грузински (откуда **Txieri** θχieri “бурдюк” < из козьего меха), лазо-мингрельское **Txa** tχa, daχ-ul по-свански, в абадзенском – tekeχu “козел”, шапсугском - teceχu. С ними в родстве находится фригийское atag-us, греческое δίζα[89]< dig-i-a, персидское take, армянское տիկ tik<*dig в значении бурдюка, и германское Zicke.

На почве смешения слов taχ/daχ “козел” со словом taχe “кабан” станет понятным расхождение легенды об Атисе: двоякое понимание слова создало двоякую версию: в одной действует кабан, в другой – коза.

То обстоятельство, что наше слово встречается в арио-европейских языках, казалось бы, затрудняет наше положение. Дело в том, однако, что оно во всяком случае не индо-европейского происхождения. В иранской форме take, откуда тюркское teke, слово это распростанено по всему Ближнему Востоку и сейчас является общепонятным выражением для “козла”, в особенности козла, ведущего стадо. Если бы оно было арио-европейского происхождения, оно не могло звучать в греческом δίζα из *dig-i-a, и в персидском take. Нам сдается, что слово это восходит к Tarku, названию популярного хаттского бога. Он скрывал в себе зародыш первоначального культа

сообщает: “А некоторые ионические <авторы> какой-то возраст у самцов называют еще и ἀττηγός“.]

[88] {цепью}

[89] [Слово засвидетельствовано только в Лексиконе Гезихия. У других авторов (Геродот, Элий Геродиан, Гелланик, Стефан Грамматик) встречается топоним Τυρόδιζα (город во Фракии), вероятно, производный от δίζα. У Публия Элия Флегона в списке италийцев, доживших до ста лет, фигурируют некие Айдесий Дидза (Αἰδέσιος Δίζα) и Битюс, сын Дидзасты (Βίθυς Διζάστου), оба – *македонские* переселенцы.]

козла[90]. Греческое τράγος “козел” не имеет этимологии; несомненно, оно зависит от tarku. Имя другого хаттского бога читается в клинописи то Tušpa, то Turušpa; точно так же имя халдского (ванского) царя ассирийцы передавали как Sar-durri и Se-duri, где Se=Sar[91]. Из чего следует, что *r* произносилось очень слабо и потому иногда, как думает Jensen, не слышалось. Такого качества был и звук *r* в Tarku. Потому он исчез в живых языках: taχ<Tarku, подобно тому, как греч. Τυρσανοί дал в Италии tursci и tusci.

Вопрос о происхождении слова, ввиду неопределенности лингвистического существа хаттов может быть разрешен тем, что оно было во всяком случае живым элементом в кавказских языках в значении козла и сохранилось там до сих пор. Обоготворение, культ животных у кавказских горцев и поныне еще не вымершее явление. Звуковые несоответствия в формах слов, отмеченные выше, теряют остроту и находят свое объяснение в факте заимствования. Отношение же Атиса к козе, к своей кормилице, приобретает реальную историческую почву: выясняется образ козла-бога, которых повлиял на народную этимологию Attis от Atagus.

Повидимому, существовала еще одна попытка народной этимологии – производить имя Атиса от горы Agdus. По версии Тимофея именно на этой горе томился Зевс любовью к матери богов. Чудовище, родившееся здесь от семени Зевса по имени Agdistis, оно и есть Атис. В первоначальном мифе в роли Кибелы выступает скала Agdus; родившийся от нее ребенок носил ее имя Agdistis, откуда Attis. Иначе говоря, Agdus и есть Μήτηρ ὀρεία [“Горная мать”]; что ее ребенок имел отношение к горе, видно из любопытного архаического обычая вифинян, которые, чтобы воззвать к богу Атису, подымались “на вершины гор” εἰς τὰ ἄκρα τῶν ὀρῶν[92]. Затем Agdistis как двуполое существо (ср. Гезихий:᾿Αδαγούς...῾Ερμαφρόδιτος) отождествляется с Кибелой, а для ее сына и любимца подыскивается но-

---

90 [Впоследствии Н.Адонц изменил свое мнение и связал хеттского Тарку и, соответственно, армянского Торка с группой слов, означающих разного рода хищных птиц, см. **Ն. Ադոնց**, Տորք աստված հին Հայոց, Երկեր հինգ հատորով, հատ. Ա, Երևան, 2006, էջ 79 – 86].

91 Jensen, ZA VIII p. 375.

92 Flavii Arriani fragm. in Eustathii Comment. in Homeri Illiadem, 565, 4.

вая этимология с сопоставлением с atagus “козой”.

Agdos – скала во Фригии. Agdos напоминает греческое ὄχθος, ὄχθη “утес”, происхождение коего неизвестно. Сюда же относится, вероятно, армянское խուբ χuθ “холм”. Не находятся ли эти слова в родстве с грузинским **Txemi** θχemi, сванским θχum, θχvim, что означает вершину горы, ἄκρα τῶν ὀρῶν. Корневые согласные – те же звуки, что имеем в словах θaχ “кабан” и taχ “коза”. Три созвучных слова дали основание для народной этимологии: производить имя Атиса от скалы agdos<*θχ, от козы – tχ, и от кабана – θaχ.

В мифе Атиса важное место отводится местности Пессинунт. Она названием своим обязана сосновому дереву: Атис совершил операцию над собой под сосновым деревом; память о сосне чествовалась в церемонии “arbor intrat” [“входит дерево”][93]. Πέσσι-νους от πίτυς “сосна”, лат. pinus< *pit(s)nos. В грузинском **fiWvi** ‘pitvi, [а в] армянском փիճի[94] ‘piti поныне значит “сосна”, но вероятнее всего, что [обе формы] заимствован[ы из] греческого, тем более, что встречается еще форма **fitvi** ‘pitui, ср. греч. pivssa “смола” = груз. **fisi**.

Занимающее нас слово Atus было принято в лидийской царской династии как теофорное имя. По генеалогии древних у лидийского царя Атиса было два сына: Λυδός и Τυρρηνός. Вследствие ужасного голода, продолжавшегося 18 лет, царь Атис решил разделить население на две части – одну оставил в Лидии, а другая, имея во главе сына Атиса, Тиррена, переселилась в Италию[95]. Рассказ этот отражает воспоминания о родстве тирренов и этрусков с лидийцами. В подтверждение древние ссылаются еще на сходство их одежды[96]. Как бы ни смотреть на этот вопрос, который в целом мире

---

[93] [Имеется в виду римская церемония, которая совершалась ежегодно в честь богини Кибелы во время около весеннего солнцеворота: срезалось сосновое дерево, и с божескими почестями приносилось к капищу Кибелы, где украшалось фиалками, символизировавшими кровь Аттиса. Спустя несколько дней впавшие в экстаз жрецы-галлы окропляли своей собственной кровью как алтарь богини, так и священное дерево.]

[94] [Примечание на правом поле]: “Хотя есть и другие деревья с окончанием -ճի: ծոճի, սոճի, noiWi, kapiWi, soinW[ср.] перс. [nājū] ناجو”.

[95] Dionysii Halicarnassensis Antiquitates Romanae, I, 27. Herodoti Historiae, I, 94.

[96] Dionysii Halicarnassensis Antiquitates Romanae, III, 61.

еще не получил своего бесспорного решения – для нас одно несомненно, что в той среде, где сложилась традиция о родстве лидийцев и этрусков и генеалогия, по которой Τυρρηνός - сын Atus'a, в этой среде чувствовалось во всяком случае этимологическое родство их названий, отца и сына, Atus и Τυρρηνός.

Выше разъяснено нами, что этрусское слово tivr "луна, месяц" через арм. թիւ θiv "число", сванское θev "месяц" восходит к груз. θ(θ)we "луна", от корня θu θi "свет". Происхождение Τυρρηνός от Atys Ἄτυς, воспринятое лингвистически, оправдывается фактически. Мы полагаем, что подобно Атису и этрусский эпоним происходит от слова, означающего лунное божество: τυρρηνοί, τυρσηνοί, τυρσανοι состоит из turs- и –ani; turs<tivrs, родит. падеж слова, означающего луну. Tivrs-anoi значит относящиеся или принадлежащие к tivr-у или последователи tivr'a. Халды (в Армении) носили имя своего национального бога Xaldi, называя себя Xaldi-ni. Италийская форма того же слова Tus-ci, Etrus-ci[97] имеют –ki вместо –ni: оба суффикса – приметы, между прочим, множественного числа (ki=xi в названиях Kummu-hi, Κολ-χi, Mos-χi, Ταυ- χi). Любопытно, что вместо Τυρρηνός попадается и форма Τυρρηβός: имя сына Атиса из <turs-ēbi, в которой узнаем другую примету множественного числа –bi, -ēbi. Три приметы и сейчас функционируют в кавказских языках. Появление –ki наряду с –bi и –ni не позволяет признать в нем ариоевропейское –sk=русское "–ский", ср. Englisc "English" и пр.

Ходячая этимология слова с древних времен производит τυρρηνοί от τύρσις, τύρσος "башня", в смысле "строителей башен" – {объяснение[98]}, не внушающее доверия. Отношение этих двух слов, если таковое существует, можно было бы осветить иначе, признав за башнями культовое значение. Из Ксенофонта мы узнаем, что у мосинойков, народа, родственного кавказским сванам, царь жил в высокой башне[99]. Царь считался одновременно и прежде всего жрецом, и резиденция его – святилищем, храмом лунного бога. По-

---

[97] Заслуживает внимания начальное *e*-; хотя в аналогичных позициях оно имеет локальное значение, но здесь оно может быть сопоставлено с протетическим *a*- в *a-tis, a-tus*.
[98] {название}
[99] [Anabasis, 5.4, 26].

тому и башни носили имя бога turs-is. Недаром вифины поднимались на горы и оттуда взывали к Атису. Сам Атис после членосечения своего скрылся в горах Диндим. Пастух и сын Μήτηρ ὀρεία ["Горной матери"], он и живет в горах. Этому представлению и потребности отвечает башня с жилищем царя–жреца – земного образа небесного бога-светила.

Как бы то ни было, скорее tursis происходит от этнического имени, но не наоборот. По Ксенофонту, в Понте "башня" называлась μόσυνοι, откуда μοσυνοῖκοι "живущие на башнях"[100]. Mosuni значит в действительности "сванец", "сван"; и сейчас сваны называют себя mošuni. Народная этимология производила слово от mošun-i, где šun<šen շէն, šaena значит "постройка".

У Плутарха сохранилось предание о том, что тиррены пришли в Лидию из Фессалии, а в Италию из Лидии[101]. Предание обязано своим происхождением тому факту, что в Фессалии существовали когда-то тиррены-этруски. Но оттуда ли они пришли в Малую Азию – это подлежит сомнению. Вернее обратное предположение: что [они] в Фессалию они попали из Малой Азии. Если не этруски, то народности культа Атиса, по-видимому, наводняли не только Фессалию, но и всю Аттику. Один из ученых, специально занимавшийся культом Атиса, высказал мнение о происхождении самого названия Аттики от имени нашего бога Атиса, Attis[102].

У Гезихия Ἀτιόλοφος – древнее название Илиона; Ἄτης λόφος ἐκαλεῖτο πρότερον ἡ Ἴλιος[103]; της Φρυγίας Ἄτης λόφος[104] ["Илион сперва назывался горой (холмом) Аты – холм фригиянки Аты"]; - видимо, народная этимология видела здесь слово ἄτη ["помешательство, злодеяние, несчастье"], но вероятнее, что эта местность сохранила память Атиса.

Среди теофорных имен, помимо Attalus, Atilios, Aτθis встре-

---

[100] [На самом деле - по Страбону: Strab. Geogr. 12.3.18. У Ксенофона и этноним и название башни пишется через двойную сигму: никаких попыток этимологизировать название племени через название башни или наоборот, у Ксенофона не наблюдается.]

[101] Plutarchi Vitae parallelae, Romulus, 2.

[102] Eisler, Kuba-Kybele, Philol. LXVIII, 1909, p. 118.

[103] Lycophronis Alexandra, 29 [ссылка неверна].

[104] Pseudo-Apollodori Bibliotheca 3, 143 и [Hellanici Historiae fr. in] Joannes Tzetzes, 3, 12, 3.

чается Titias. Так назывался корибант матери богов в Милете. Так как в данном случае корибант заменяет Атиса, то вероятно, что и их имена родственны. Titias напоминает греческое слово τιτώ, -οῦς в значении “aurora, jour, soleil”, (“заря, день, солнце”) что, с другой стороны, сопоставляется с санскритским Tilhi “un temps de la revolution lunaire” [“время обращения луны, лунный цикл”]. Сюда же относится и Τιτάν, -ᾶνος, Τιτήν, -ῆνος “dieu solaire” [“лунный бог”][105].

По звуку и значению слова эти близко подходят к разбираемому нами названию бога. Каково их взаимное отношение, случайно ли совпадение, или сходство объясняется заимствованием – эти вопросы остаются пока открытыми. Заслуживает внимания встреча и другого рассмотренного выше кавказского слова с арио-европейским: taχ, a-tag-us, персидским taka. Эти явления относятся к общей проблеме о положении кавказских (яфетических) языков среди других семейств: теза наша сохраняет свою силу при любом разрешении ее.

1922, сентябрь.

[105] **E. Boisacq**, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Étudiée dans ses rapport avec les autres langues indo-européennes, Heidelberg – Paris, 1923.